АЛЛА
ГОРБУНОВА

ДРУГАЯ МАТЕРИЯ

ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ
«НОС»

*«Плотно, странно, страшно, поэтично
и при всём том обжигающе точно».*

ГАЛИНА ЮЗЕФОВИЧ

18+

Роман поколения

Алла Горбунова

Другая материя

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Горбунова А. Г.

Другая материя / А. Г. Горбунова — «Издательство АСТ», 2021 — (Роман поколения)

ISBN 978-5-17-135050-5

Алла Горбунова родилась в 1985 году в Ленинграде. Окончила философский факультет СПбГУ. Поэт, автор двух книг прозы — «Вещи и ущи» и «Конец света, моя любовь». Её стихи и проза переведены на многие иностранные языки. Лауреат премий «НОС», «Дебют» и премии Андрея Белого. Проза Аллы Горбуновой предельно подлинна и привлекает самых разных читателей, от известных литературных критиков, людей искусства и философов до студентов и старшеклассников. Эта книга — не исключение. Смешные, грустные, трогательные, а подчас и страшные, но удивительно живые истории пронизаны светом её души, светом «другой материи». Содержит нецензурную брань

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-135050-5

© Горбунова А. Г., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Самые страшные звери – як и болонка 5
Плохая осанка 6
Прозум и несостоявшиеся женихи 7
Под руку с дедушкой 8
О милосердии божьем 9
За колонной 10
На крыше 11
Сифилитик и анархист 12
По телефону 13
Дурные привычки 14
За молоком 15
Цыгане 16
Несостоявшееся хулиганство 17
Встреча однокурсников 18
Знакомлю дедушку и бабушку с моим творчеством 19
Рюкзак под кроватью 20
Внезапность и необъяснимость жизни 21
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Алла Горбунова
Другая материя

Самые страшные звери – як и болонка

Когда-то мы пошли с мамой в зоопарк, и на меня напал як. Он посмотрел мне в глаза, разогнался и бросился прямо на решётку своей клетки, за которой стояла я. С тех пор я боюсь яков.

В другой раз на даче за мной помчалась болонка Даниловых. Обыкновенно она просто лаяла, когда я с кем-то проходила мимо, но тут я была одна, и болонка, провернувшись под забор, выскочила на аллею и помчалась за мной. Она гналась за мной до самого моего дома. От страха я потеряла туфлю. С тех пор я боюсь болонок.

Плохая осанка

Бабушка всё время говорила мне: «Не сутулься!», – а я всё равно сутулилась. «Горб вырастет, – говорила бабушка, – будут тебя дразнить: Горбунова – горбатая!»

Потом бабушка отвела меня в детскую поликлинику на занятия лечебной физкультурой, на массаж и в бассейн. Массаж делала врач по лечебной физкультуре Валентина Николаевна. Я расположилась к ней и во время сеансов массажа рассказывала о своей жизни и своих мыслях. Не помню, чего уж я там такого нарассказывала, но после курса массажа Валентина Николаевна сказала бабушке, что меня нужно показать психиатру. Это было мне уроком, что взрослым нельзя доверять, какими бы милыми и добрыми они ни казались.

Однажды мы пришли в бассейн, а нас не пустили, сказали, что бассейн закрыт, потому что туда кто-то накакал. Я очень веселилась, а бабушка ругалась.

Прозум и несостоявшиеся женихи

В дошкольном возрасте меня одно время водили в «Прозум» – что-то вроде частного детского сада или центра раннего развития. Там надо было проводить несколько часов вечером. Однажды мальчик Вова в «Прозуме» ударил меня в солнечное сплетение. А потом я заболела и считала, что это он виноват. Я лежала в кровати и ныла, а мама решила меня утешить и сказала: «Когда ты вырастешь, мальчик Вова захочет на тебе жениться, а ты ему откажешь!» – «Мама, мама, расскажи, как это будет!» – воодушевилась я. «Он будет ждать тебя у дома с цветами, а ты скажешь ему: “Вова, я не люблю тебя и не пойду за тебя замуж!”» – «Я скажу ему: “Помнишь, как ты меня ударил в солнечное сплетение? Я никогда-никогда-никогда не пойду за тебя замуж!”» – мстительно ликовала я. Вполне вероятно, что мальчик Вова ударил меня случайно, а может, и вовсе не бил, а я это себе вообразила.

В «Прозуме» был ещё мальчик Артур. Он был очень маленького роста, а я, наоборот, была очень большая для своего возраста, но Артур в меня горячо влюбился. Он, такой маленький, поднимал меня на руки и кружил и говорил: «Не бойся, я тебя от великанов спасу!» Я совсем не боялась великанов, да и сама была по сравнению с ним великаном, но мне всё равно было очень приятно, но и немножко смешно, что он такой маленький, а хочет спасти меня от великанов. Годы спустя великаны нашли меня, а мой маленький рыцарь, наверное, меня давно уже забыл. А я помню его с нежностью и печалью.

Под руку с дедушкой

Дедушка всегда ходил на работу в НИИ с чёрным плоским портфелем. Как-то раз я уговорила его взять меня с собой. Мы поехали с ним туда, за метро «Московская», в НИИ промышленной и морской медицины, где мой дедушка, физик-ядерщик, работал научным сотрудником. Но я почему-то ничего не запомнила про эту поездку, хотя долго её ждала и мечтала о ней.

Как-то раз на даче, уже подростком, я отпросилась до какого-то часа и пошла к подружке. Когда я вышла от неё, чтобы пойти обратно домой, я увидела, что меня на аллее поджидает дедушка, хотя я ещё не опаздывала. Я страшно разозлилась, потому что подумала, что он меня контролирует и не доверяет одной вернуться домой. Я яростно зашипела на него, а дедушка взял меня под руку и сказал: «Я просто хотел пройти по аллее вместе с такой красивой девушкой, которой я горжусь». Я перестала сердиться, и мы под руку пошли домой.

В другой раз мы шли с дедушкой на сельский рынок. Все встречные прохожие улыбались, глядя на меня, и оборачивались нам вслед, мальчишки свистели. Дедушка не понимал, в чём дело. Потом он внимательно посмотрел на меня и увидел, что у меня кольцо в носу, как у свиньи.

О милосердии божьем

Однажды, когда я была совсем маленькая, дедушка приехал на дачу и рассказал, как на него чуть не напали. Он поехал на Галерную улицу, где раньше жила моя семья, и зашёл в их старый дом, а там в подъезде сидели какие-то нехорошие ребята, они угрожающе обступили его, а потом их главный пристально посмотрел ему в глаза и сказал остальным: «Отпустите папашу». Я почувствовала возмущение и страх, что какие-то нехорошие люди могли навредить моему дедушке. Мне казалось, что сама мысль о том, чтобы навредить лучшему из людей – моему дедушке, – это святотатство. Но я вдруг поняла, что мир устроен так, что тех, кого ты любишь, самых лучших, самых добрых, самых дорогих, могут просто так без всяких причин убить на улице. А милосердие Бога – это когда главный бандюган смотрит тебе в глаза и говорит: ладно, иди, живи пока.

За колонной

Когда мне было двенадцать лет, мне впервые посвятили стихи. Произошло это так: у мамы в то время был бойфренд из Америки по имени Боб, и мы втроём гуляли по Невскому. Около Гостиного двора тусовались уличные художники и зазывали прохожих, чтобы сделать с них портреты. Боб предложил нам с мамой, чтобы нас нарисовали. Маму сразу обступила куча художников, а меня стали рисовать только двое. «Почему меня рисуют только двое, а маму – целая толпа?» – спросила я у художника, который, взяв мольберт и складной стульчик, тоже пытался протиснуться к моей маме. «Она красивее», – объяснил он мне.

Художники рисовали с меня что-то в стиле Гойи. Я сидела с печальным томным видом, но Боб сказал мне: «Улыбайся!» – «Не хочу, – ответила я, – почему я должна улыбаться? Это вы, американцы, всё время улыбаетесь, а мы, русские, – не такие». – «Потому что я плачу́! – сказал Боб. – I pay!» После столь неопровержимого аргумента, укрепившего мои представления об американцах, я изобразила на лице что-то подобное улыбке Моны Лизы, сквозь которую проглядывал волчий оскал.

Пока художники рисовали меня, я увидела странную фигуру, прячущуюся за колонной. Это был немолодой лысеющий мужчина в засаленном плаще, он стоял за колонной и иногда из-за неё высовывался, посматривал на меня и снова прятался. Лицо у него было какое-то скользкое. Я подумала, что, наверное, это эксгибиционист, хотя и странно было встретить представителя этой братии рядом с Гостиным двором. Потом я заметила, что он что-то пишет в маленький блокнотик. Когда художники дорисовали два моих крайне неудачных портрета, он быстро подошёл ко мне, вырвал из своего блокнотика листочек и вложил мне в ладонь. Там было стихотворение. Целиком я его не помню, а конец был такой:

Вы так классически прекрасны,
Весенней свежести полны,
Ваш взгляд томительный и ясный,
Наверно, все в вас влюблены.

Поэт стоял и выжидательно смотрел на меня. «Спасибо большое», – сказала я. Поэт поклонился, отошёл и встал немного в отдалении, продолжая масляно и выжидательно смотреть на меня. Мама сказала, что, видимо, он этим промышляет и хочет награды. Мне не очень понравилось стихотворение, показалось каким- то банальным и старомодным, и я даже подумала, что мои стихи из толстой тетради дома, которые я никому не показываю, наверное, лучше. Но мне стало его очень жалко. «Что же, он целыми днями стоит за колонной и пишет стихи про тех, кого рисуют, а ему за это дают какую-то мелочь? Но ведь так нельзя делать – брать деньги за стихи!» – недоумевала я. Мама собралась уходить, но мне было так жалко поэта, что я стала очень просить у неё, чтобы она дала мне для него немного мелочи. Мама дала мне чуть-чуть, и я подбежала к нему и, ещё раз поблагодарив, дала ему деньги. Он молча принял. «Несчастный поэт, – подумала я, – наверное, он никак не может заработать себе на жизнь, поэтам ведь так тяжело живётся, вот и приходится ему писать плохие стихи в надежде получить за них пару копеек. Если я вырасту и стану поэтом – неужели и со мной так будет? Нет, такого не будет никогда! Даже если я буду нищей, я никогда не буду брать денег за стихи!»

На крыше

Однажды меня пытался изнасиловать уличный художник. Такое и раньше со мной случалось, но разве же к этому привыкнешь. Мне было семнадцать, и я была, как некоторые говорят в таких случаях, «сама виновата». В то время я много тусовалась на улице: в районе Гостиного двора – в подземном переходе, «Трубе», – и на Малой Садовой. И я заприметила одного художника, который обыкновенно стоял вместе с другими своими коллегами у Катькиного садика. Издалека он казался мне очень красивым, его образ привлекал меня, и я решилась к нему подойти и завязать разговор. Немного поговорив, мы пошли с ним пить пиво на крышу – он сам предложил. Правда, меня смутило, что вблизи он оказался совсем не так прекрасен, как издалека. Во-первых, он был старше, чем я думала, во-вторых, вид имел изрядно потрёпанный и потасканный, и от него таращило алкоголем. Тем не менее мы полезли с ним на крышу дома рядом с Казанским собором. С крыши был замечательный вид на сам Казанский собор и окрестные крыши. Наша же крыша была покатая, резко уходила вниз, и мы расположились на самом краю и принялись бухать. А надо сказать, что я боюсь высоты, и сидеть с пьяным незнакомым художником на краю крыши мне с самого начала было как-то не очень. Особенно же не очень мне стало, когда он принялся расстёгивать мне блузку и полез на меня. Я сказала ему, что не хочу, но он не воспринимал ничего вокруг и продолжал пытаться заняться со мной сексом. Я отбивалась, он угрожал сбросить меня с крыши. Начались какие-то долгие, мучительные диалоги, сопровождавшие всю эту возню, в ходе которых я пыталась объяснить ему, почему он не должен этого делать, но мне было его никак не переубедить – он не воспринимал никакие мои аргументы и продолжал пытаться меня трахнуть. В какой-то момент, когда он уже совсем был близок к своей цели, я завизжала, что мне плохо и что меня сейчас вырвет, уговорила его меня отпустить на минутку сходить на чердак под предлогом того, что я напилась и сейчас буду блевать. На чердаке я нашла выход на лестницу, сбежала с крыши и помчалась домой. До этого случая я часто бывала на крышах и любила это времяпрепровождение, но после – так ни разу и не смогла заставить себя подняться на крышу.

Сифилитик и анархист

В моём детстве наш дом периодически посещали всякие странные личности, которых приводил мой дядя. Так, один раз к нам приходил юноша, больной сифилисом, и после этого стирали гостевое полотенце и делали уборку. Когда этот юноша был у нас в гостях, мне запретили выглядывать из комнаты, чтобы с ним не столкнуться, но я всё равно выглядывала, потому что хотела посмотреть, провалился ли у него нос. Нос был на месте. В другой раз у нас жил анархист из Германии. Это был очень красивый молодой человек романтической наружности, и я с интересом рассматривала его, когда встречалась с ним в коридоре.

В семнадцать лет я пошла на ноябрьскую демонстрацию, и как-то так получилось, что мне в руки сунули чёрное знамя анархии, и я какое-то время шла с ним во главе колонны. И вообще идеи анархизма оказались мне интересны и симпатичны. А вот с сифилисом больше сталкиваться не приходилось.

По телефону

В своё время мы обзвонили с Юлькой полгорода по поводу унитазов. Мы звонили наугад и спрашивали: «Вам унитаз нужен?» – «Не нужен!» – обычно злобно отвечали на том конце провода. «Сейчас приедем и заберём!» – говорили мы с Юлькой и ржали как лошади. Но в то время уже стали появляться определи- тели номера, и один раз нам перезвонили через пять минут и спросили: «Ну и чего не забираете?»

Ещё мы регулярно звонили Вове и Мише. Это были два парня с Юлькиной дачи в Мшинском, братья. Вова – старший, а Миша – младший. Мы звонили им и вульгарно-томными, нарочито низкими голосами спрашивали: «Ну, как дела?» – как будто мы с ними были старинными приятелями. Они не знали, кто им звонит, но узнавали нас по голосам и говорили: «А, овцы, это опять вы!» или «Овца, привет, что-то ты давно не звонила». Так продолжался наш роман по телефону, наверное, год. Было интересно, а с нынешними кавалерами и поговорить не о чем.

Дурные привычки

В двенадцать лет я решила стать алкоголиком. Я начала втайне от родителей покупать на свои карманные деньги в аптеке настойку овса и пить её. Как-то ночью мамы не было дома, и я села за её секретер, достала настойку овса, открыла свою тетрадь и принялась писать стихи. Я напилась пьяная и заснула, уронив голову на свои черновики. По моему мнению, все настоящие поэты так делали: напивались и писали стихи, а потом отрубались, уронив голову в рукописи. На следующее утро у меня болела голова, а стихи, написанные ночью, показались мне не слишком удачными.

Кроме того, однажды я решила попробовать дышать клеем. Я взяла тюбик клея и полиэтиленовый пакет, залезла с ними под одеяло, но, к сожалению, слишком сильно нажала на тюбик, и весь клей выдавился мне на чёлку. Пришлось выстригать, притом для этого надо было незамеченной для всех пробраться ночью с ножницами в ванную. Лишние вопросы мне явно были не нужны. Но всё удалось, а я потом лежала в кровати и думала: получилось у меня хоть что-нибудь надышать или нет? Внимательно смотрела на цветы на шторах, и они немного пульсировали.

За молоком

Больше всего я люблю раннее утро и щебет птиц. И дорогу по сельскому шоссе к молочной бочке. И звук, с которым наливают молоко в бидоны. А потом несёшь бидон домой по пустому шоссе, и такая лёгкость в теле, что хочется бежать вприпрыжку, но боишься расплескать.

Цыгане

Однажды мы с моим приятелем Митей поехали в табор к цыганам в Пери. Митя очень увлекался цыганами и писал про них роман, а меня он просто взял с собой, чтобы я посмотрела, как живут цыгане. Митя предупредил меня, что надо сделать вид, будто я хочу, чтобы мне погадали, иначе для цыган будет непонятно, зачем я приехала. Я согласилась. Мы пришли в богатый каменный дом в цыганском посёлке. Там было много детей, был включён телевизор. Нас посадили за стол, угощали. Специально для нас показали на видеокассете запись цыганской свадьбы. Потом пожилая цыганка отвела меня в другую комнату и стала мне гадать на маленьком зеркальце. Помню, что она сказала мне: «ты полдоли сирота» и «ты простая, ты не хитрая». Я заплатила ей за это триста рублей.

В другой раз (задолго до этой поездки в табор) я подралась с цыганами. Это было в Одессе. Мы с мамой сидели в привокзальном кафе с прозрачными стенами, и я увидела, что на улице цыганки обступили какого-то мужчину и вырывают у него из рук сумку. Я выскочила и кинулась на них, отбивая мужчину. Тем самым я привлекла внимание, на нас стали смотреть, подбежали другие люди, и цыганки не смогли отобрать у мужчины сумку. Мама наблюдала эту сцену из кафе и была в шоке.

Несостоявшееся хулиганство

Как-то раз мы с приятелем Митей пошли пьяные гулять по городу. Мы гуляли где-то между площадью Восстания и Чернышевской, и Митя сказал, что здесь недалеко живёт поэт Александр Кушнер, и он недавно был у него в гостях и брал интервью (Митя работал журналистом). На пьяную голову, мы решили найти дом Кушнера, позвонить в домофон и дурными голосами заорать: «Времена не выбирают, в них живут и умирают». Но, к счастью, дом Кушнера нам найти не удалось, а то бы могло произойти непоправимое.

Встреча однокурсников

У дедушки было много друзей, он хранил дружбу и со школьными, и со студенческими друзьями. Он рассказывал мне про их шалости в студенческом общежитии: например, как они выпускали газы и подносили при этом зажжённую спичку к заднице, а одному парню на Пасху покрасили яйца. Каждый год дедушка ездил в Политех на встречу бывших однокурсников. Но, по мере старения дедушки, однокурсников оставалось всё меньше. В последнее дедушкино лето, когда он уже тяжело болел и все понимали, что времени осталось мало, он тоже поехал на встречу однокурсников. Ему нелегко было ходить, но он сам добрался с дачи до Политеха, а потом обратно. Вернувшись на дачу, он рассказал, что на встрече однокурсников с ним произошёл конфуз. Дело в том, что из-за болезни у дедушки вырос очень большой живот, и штаны плохо держались, поэтому он носил для них специальные лямки. И вот там, на встрече однокурсников, в какой-то момент, когда он стоял спиной к дамам, эти лямки отстегнулись, и с него упали штаны. Мне было совсем не весело это услышать, но я не подала виду, и мы вместе с дедушкой посмеялись над этой историей. Следующая встреча однокурсников проходила уже без него.

Знакомлю дедушку и бабушку с моим творчеством

Однажды, когда мне было лет семнадцать и я начинала где-то публично выступать со стихами и печататься, я дала почитать свои стихи бабушке. Бабушка читала внимательно и как будто с интересом, а потом оказалось, что она не понимает, где кончается одно стихотворение и начинается другое, хотя между ними были большие отступы и стояли звёздочки. А дедушка посмотрел на мои стихи и неодобрительно сказал: «Они слишком сложные. Всё гениальное – просто!» Но потом, с годами, дедушка всё больше следил за тем, что я пишу, и даже иногда высказывал мне скупые, но положительные отзывы. И главное – он понимал, что для меня это важно, и если я долго была в депрессии и бессмысленно валялась, он с мягким укором говорил: «Ну что это такое! Небось и не пишешь сейчас ничего? Когда в последний раз стихи писала?» Однажды дедушка мне сказал: «Почитал ваших современных поэтов. Все пишут одинаково, но стиль я понял. И я бы так мог писать, если бы был вашего поколения и хотел быть поэтом». Я знала – мог.

Рюкзак под кроватью

Я совсем не могла есть по утрам перед школой. А бабушка меня заставляла. Тогда я стала втайне от неё складывать еду из тарелки в большой рюкзак под кроватью. Через какое- то время он был полностью наполнен моими несъеденными завтраками. Потом я ушла из той школы, переехала от бабушки, и про рюкзак благополучно забыла. Мы нашли его годы спустя. Внутри было нечто омерзительное и смрадное. Так его целиком, вместе со сгнившей, разложившейся едой, и выкинули.

Внезапность и необъяснимость жизни

Бедя, бабушкина сестра, с которой мы жили в одной квартире, постепенно выжила нас с моим первым мужем Денисом из дома. Она сделала наше пребывание дома невыносимым. Каждое утро я просыпалась оттого, что слышала, как она говорит про меня гадости на кухне. Как-то я приготовила суп, а она, пока я готовила, всё время подходила и спрашивала, угощу ли я её. Я говорила, что, конечно, угощу, и, как только приготовила суп, сразу угостила. А потом она принесла сто рублей и начала их настойчиво пихать мне в руки. Я долго отказывалась, но она всё совала и совала мне эти сто рублей, и при этом вся тряслась. А у неё была шизофрения и тряслась она от своих лекарств, и в конечном итоге я взяла деньги, пока у неё не случился припадок. Но как только я взяла эти сто рублей, Бедя побежала к моей маме и стала на меня жаловаться, что я беру с неё, нищей пенсионерки, деньги за суп. Тогда я подошла к Беде и у неё на глазах разорвала эти сто рублей на мелкие клочки. И такие вещи происходили постоянно. Однажды дверь в туалете, когда Бедя там находилась, заклинило, и хотя мы тут же её освободили, Бедя утверждала, что мы заперли её специально. Последней каплей стало, когда она при нас звонила подруге и жаловалась, что мы хотим выжить её из квартиры. После этого Денис сказал, что не будет больше находиться в этом доме ни одной минуты. Он собрал сумку и ушёл, а я за ним. Мы поехали к друзьям и пожили у них первое время, а я насобирала денег у родственников и сняла нам на три месяца у знакомой знакомых за очень скромную плату однокомнатную квартиру на Фонтанке. На большее время снимать у нас денег не было, но там как раз началось бы лето и я бы переехала жить на дачу, а Денис уехал бы к себе на родину в Красноярск. А что делать потом – потом бы и решали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.